

КОЛЛИЗИИ ЦЕННОСТЕЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

© 2021 г. О. В. Мартышин

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: martyshin.o@mail.ru

Поступила в редакцию 22.01.2021 г.

Аннотация. В основу Конституции РФ были положены два потенциально противоречивых принципа: демократические ценности и сильная президентская власть. В 1990-е годы было предложено убедительное истолкование этой коллизии. Сильная президентская власть, соответствующая историческим традициям России и сложным условиям постсоветского периода, рассматривалась как необходимая мера переходного характера, подготавливающая почву для дальнейшего развития демократических институтов. В последнее время в консервативных кругах возникла новая и опасная тенденция. Права человека, разделение властей, господство права и т.п. рассматриваются как импорт западных ценностей, чуждых национальной политической культуре.

Ключевые слова: Конституция РФ, коллизии ценностей, консерватизм, либерализм, либертариизм.

Цитирование: Мартышин О.В. Коллизии ценностей и перспективы развития российской государственности // Государство и право. 2021. № 4. С. 50–58.

DOI: 10.31857/S102694520014349-4

CONFLICTS OF VALUES AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN STATE

© 2021 O. V. Martyshin

Kutafin Moscow state Law University (MSAL)

E-mail: martyshin.o@mail.ru

Received 22.01.2021

Abstract. The Constitution of the Russian Federation was based on two potentially contradictory principles: democratic values and strong presidential power. In the 1990s, a convincing interpretation of this conflict was proposed. A strong presidential power, consistent with the historical traditions of Russia and the difficult conditions of the post-Soviet period, was seen as a necessary transitional measure, preparing the ground for the further development of democratic institutions. Recently, a new and dangerous trend has emerged in conservative circles. Human rights, separation of powers, Rule of Law, etc. They are considered as imports of Western values that are alien to the national political culture.

Key words: Constitution of the Russian Federation, collision of values, conservatism, liberalism, libertarianism.

For citation: Martyshin, O.V. (2021). Conflicts of values and prospects for the development of the Russian state // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 50–58.

Один из наиболее интересных и актуальных аспектов проблемы ценностей — их коллизии. Коллизии в праве — негативное явление. Они свидетельствуют о несовершенстве правовой системы, о невысоком уровне культуры нормотворчества. Коллизий правовых норм следует избегать. В отличие от них коллизии ценностей в жизни человека и общества неизбежны, а значит, и нормальны. Любому выбору поведения предшествуют коллизии ценностей. Так всегда было, есть и будет. «Мы не в праве ожидать, что когда-нибудь на земле настанет такая гармония, которая преодолела бы все жизненные противоречия в совершенной общественной форме, — писал П.И. Новгородцев. — Для человеческих сил эти противоречия непримиримы и непреодолимы. Личность и общность, равенство и свобода, право и нравственность находятся в вечном антагонизме и не допускают окончательного примирения»¹. Выдающемуся русскому юристу вторил известный английский философ И. Берлин: «Необходимость делать выбор, приносить одни высшие ценности в жертву другим оказывается постоянным уделом человеческого предназначения»².

Коллизии ценностей характерны для всех уровней жизни общества, от индивида до государства. Но на каждом уровне они решаются по-разному. Соотношение ценностей в действиях физического лица и актах, совершаемых от имени государства, неодинаково. Отсюда и различные требования к ним.

* * *

С частными лицами, теоретически, всё сравнительно просто. От них ожидают соблюдения нравственных норм. Разумеется, обращаясь к реальности, каждый может вспомнить немало случаев, когда люди руководствуются не моральными соображениями, а собственными интересами или низменными побуждениями. Но этика, как и право, — наука о должном. Она устанавливает твёрдые принципы. Нравственность предполагает, что действующий субъект не ставит свой интерес выше интересов других участников общественных отношений. Больше того, по словам видного представителя отечественной консервативной мысли XIX в. Н.Я. Данилевского, «требование нравственного образа действий есть не что иное, как требование самопожертвования», «самопожертвование есть высший нравственный закон, собственно говоря, это тождественные понятия»³. Моралисты согласны в том, что нравственные требования

противостоят низшим или эгоистическим двигателям человеческого поведения, каковыми являются, как отмечает Р. Иеринг, вознаграждение и принуждение. Нравственность — это «отрицание эгоизма ввиду общественной пользы», его вытеснение чувством долга, который предписывает «гармонию личной воли с требованиями общества», а в исключительных ситуациях — «свободное самоотречение, простирающееся дальше требований общества». «Первое — проза, второе — поэзия нравственности»⁴, — заключает Р. Иеринг.

Вступая в контакт с внешним миром, индивид имеет дело с двумя типами контрагентов — такими же частными лицами, как и он сам, и обществом или государством.

В отношении частных лиц индивиду предписывается принцип «возлюби ближнего своего, как самого себя», названный И. Кантом категорическим императивом и известный также как «золотое правило морали». Его применение гарантирует справедливое решение любых нравственных сомнений. Стоит человеку, обдумывающему тот или иной способ поведения, спросить себя: «а хотел бы я, чтобы со мной поступили так же, как я готов поступить с другим», как нравственная оценка предполагаемого действия становится ясной как божий день.

В отношении индивида к обществу и государству правила морали исходят из предпочтения общественных интересов личным. Именно эту норму Монтескьё назвал политической добродетелью: «Политическая добродетель есть самоотверженность — вещь всегда очень трудная. Эту добродетель можно определить как любовь к законам и обществу. Эта любовь, требующая постоянного предпочтения общественного блага личному, лежит в основании всех частных добродетелей: все они представляют собою ничто иное, как это предпочтение»⁵.

Отметим в нравственных требованиях к индивидуальному поведению два характерных общих признака.

Во-первых, они предполагают безусловный приоритет нравственных ценностей над любыми другими. Это и ведёт к самоограничению, вплоть до самопожертвования.

Во-вторых, тот объект, во имя которого совершается самоограничение, находится вне человека. Индивид жертвует своими интересами ради внешних по отношению к нему явлений, тем самым признавая их высшими ценностями.

¹ Новгородцев П.И. Соч. М., 1995. С. 374.

² Berlin I. Four Essays on Liberty. L., 1969. P. 11.

³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003. С. 41.

⁴ Иеринг Р. Избр. труды: в 2 т. СПб., 2006. Т. I. С. 155.

⁵ Монтескьё Ш. Избр. произв. М., 1955. С. 191.

* * *

Насколько упомянутые выше нравственные правила индивидуального поведения применимы к государству? Сама по себе возможность нравственной оценки актов государства представляется очевидной. Честь и хвала государству, заслужившему репутацию эталона нравственности, если таковые найдутся. Но критерии индивидуальной этики оказываются непригодными для государства.

Если от индивида ожидают признания нравственных ценностей высшими, то применительно к государству это не так. Такие, бесспорно, позитивные цели государства, как безопасность, стабильность, эффективность управления, общее благо, не назовешь нравственными или духовными ценностями. Они вполне реальны, осязаемы и являются скорее материальными, чем духовными, благами. Названные цели могут рассматриваться как нравственные категории только в контексте обязанностей государства. Хорошее государство должно служить общему благу, а не интересам властвующих. Это критерий нравственной оценки. Служение общему благу, обеспечение безопасности, эффективности управления и т.п. — это добродетели государства. Но само по себе общее благо предполагает мощный материальный компонент в виде благополучия населения, в т.ч. и имущественного. В отличие от частных лиц, от государства никто не требует и не ожидает приоритета нравственных ценностей над материальными.

Не менее существенные различия наблюдаются и по второму признаку этического поведения индивида, заключающемуся в признании морального долга частного лица жертвовать своим интересом ради общего блага, выступающего по отношению к нему как нечто внешнее. В основе этого постулата лежит противоречие между частным и общественным интересом. Но государство как действующий субъект снимает это противоречие. Теоретически (или в идеале) интерес государства — это не частный интерес. Он должен совпадать с общим благом. Над индивидом возвышается общество и государство, рассматриваемые как высшая ценность и ожидающие от него самоограничения и даже самопожертвования. Над государством нет высших ценностей. Общее благо, безопасность, свобода личности — все это должно пребывать и осуществляться в рамках государства, а не вовне.

В связи с этим вопрос о самопожертвовании, важный в индивидуальной этике, применительно к государству не возникает. Кому или чему должно было бы приносить себя в жертву государство? Мировому сообществу? Но это слишком абстрактная категория, лишенная четкого содержания и структуры. Отношения между государством и международным сообществом строятся на иных началах,

чем между частным лицом и государством. Хотя и в том и в другом случае речь в каком-то смысле идет о соотношении части и целого, связь между ними принципиально различна, ибо для двух систем характерна разная степень единства.

Важнейший признак государства — суверенитет. В рамках государства приоритет целого над частью или общего над частным обеспечивается законами, реализуемыми политической властью с применением законного принуждения в случае необходимости. Не столь редки случаи, когда государство прибегает к мерам безнравственным и неправовым, но сами по себе полномочия государства принимать в рамках закона решения обязательного характера не ставятся под сомнение. В этом суть государственной системы.

Иная картина в международных отношениях. В них в качестве первичного элемента выступает не гражданин, обязанный соблюдать законы государства, а суверенное государство. Согласно ст. 2 Устава ООН эта организация «основана на принципе суверенного равенства всех её членов». Генеральная Ассамблея ООН уполномочена не принимать обязательные решения, а всего лишь давать рекомендации членам Организации и Совету Безопасности (ст. 11 Устава). Правда, согласно ст. 25 Устава, члены ООН обязуются выполнять решения Совета Безопасности, но последние предполагают единодушие постоянных членов Совета, наделенных правом вето по всем решениям кроме процедурных (ст. 27). Таким образом, и здесь суверенитет государств (правда всего пяти) ставится выше мнения большинства. В системе международных отношений консенсус преобладает над обязательностью. Эта система не дает юридических оснований для утверждения приоритета целого над частью. Защита национальных интересов — одна из важнейших функций государства на международной арене. Национальное самопожертвование представляется абсурдным.

Ближе к действительности аналогия отношений между государствами и между частными лицами. Недаром к ней прибегал Т. Гоббс. Он полагал, что государства в отношениях друг с другом пребывают в «естественном состоянии», в котором люди находились до учреждения государства. Это состояние представлялось Гоббсу как ничем не ограниченная свобода, когда право каждого определялось его силой, что вело к войне всех против всех. Этой суровой, но во многом реалистичной концепции противостоят попытки ввести действия государств в рамки международного права, начало которым в новое время положил Г. Гроций. Однако следует признать, что надежных гарантий соблюдения норм международного права человечество не обеспечило до сегодняшнего дня и, подобно

категорическому императиву в отношениях между частными лицами, они остаются в основном на уровне нравственных пожеланий, а не юридических требований, подкрепленных неминуемыми принудительными мерами.

* * *

Таковы соображения, приводящие к выводу, что в действиях государства и в содержании неразрывно связанного с ним права не только преобладают на практике, но в ряде случаев и должны преобладать не нравственные, а какие-то иные принципы. Их существо четко определил на материалах Древнего Рима, и в первую очередь римского права, Р. Иеринг.

«Основная черта римского духа», — полагал Иеринг, — эгоизм. Если эгоизм индивидуальный, с этической точки зрения, не поощряется, то эгоизм национальный, государственный — законное явление. «Есть мелочный эгоизм, мелочный в нравственном и умственном отношении..., находящий удовлетворение в минутных, мелочных выгодах. Но есть и величавый эгоизм, великий по цели, которую он себе поставил, достойной удивления в своих планах, в своей логике и дальновидности, внушающий уважение железной энергией, настойчивостью и самопожертвованием, с которым он преследует свои отдаленные цели, — рассуждает Р. Иеринг. <...>. Нет интереса следить за римским эгоизмом в его ближайших, мелочных проявлениях, в его качествах жадности, скупости, безжалостности и т.д. — здесь предстает он во всей своей неутешительной убогости и ограниченности». Но «на высшей точке римского величия — преданности римскому государству — индивидуальный эгоизм преодолевает даже самого себя, чтобы себя самого и всё, к чему он стремится для себя, принести в жертву эгоизму государства...

В этом процессе объективации национального эгоизма играет, конечно, свою роль и размышление, сознательный расчет»⁶.

Римский мир, по Р. Иерингу, — это «организм национального эгоизма», «римский характер с его добродетелями и недостатками может быть назван системой дисциплинированного эгоизма», а «право есть религия эгоизма»⁷. Но, как и применительно к римскому характеру, речь идет о дисциплинированном эгоизме. Его «дисциплинирование» является «следствием идеи целесообразности», запечатленной в национальном сознании «как этическая необходимость, нравственность,

долг», продиктованные «простой идеей полезности»⁸. В праве, продолжает, выходя за рамки Рима, Р. Иеринг, «должна осуществляться... идея обыкновенной целесообразности». «Римлянам, — пишет он, — ещё в древности удалось перенести право из области души и чувства в область рассчитывающего разума, сделать из права независимый от влияния мимолетного субъективно-нравственного чувства внешний механизм». Право «обозначает победу идеи целесообразности над субъективным чувством нравственности». Право требует «не нравственного чувства, не справедливости, но только целесообразности»⁹. Итак, в качестве высшего критерия качества права выступает целесообразность, а меру нравственности и справедливости в нем определяет рассчитывающий разум.

«Римский дух», «дух римского права» представлялся Р. Иерингу образцом для подражания. Его соображения о соотношении справедливости и целесообразности в действиях государственной власти носит всеобщий характер. Их главное достоинство не в новизне, а в тщательно взвешенном и умеренном решении острой проблемы. По существу, Р. Иеринг не сделал никакого открытия. Изложенные им принципы бытовали в той или иной форме, а иногда и осмысливались теоретически во всех странах с древности до наших дней. В древней Индии существовало понятие раджадхармы или дхармы (круга обязанностей) царей, допускавшей отступления от обычных норм поведения. Их характер описан в одном из самых значительных памятников индийской политической мысли — «Артхашастре», приписываемой Каутилье (Чанакье) министру основателя Империи Маурьев Чандрагупты в IV в. до н.э. По мнению Каутильи, снискавшего после обнаружения и публикации трактата в 1909 г. славу индийского Макиавелли, дхарма правителя предписывает применение насилия, наказания, принуждения. В идеях Каутильи не было ничего необычного. В сборнике басен и поучений «Панчатантра» (I—III вв. н.э.) также говорится, что царством нельзя управлять в соответствии с обычными для людей нормами поведения, ибо то, что для обычного человека является грехом, в руках царя превращается в добродетель. Более того, от милосердного царя рекомендуется бежать, его уподобляют дырявой лодке¹⁰.

Признание специфики долга правителя не равнозначно проповеди вульгарного и циничного макиавеллизма. Хотя очевидно, что не было в истории такой жестокости, подлости и коварства,

⁸ Там же. С. 288.

⁹ Там же. С. 289, 290.

¹⁰ См.: История политических и правовых учений. Древний мир. М., 1985. С. 130, 153 и др.

⁶ Иеринг Р. Указ. соч. Т. II. С. 282, 283.

⁷ Там же. С. 286, 288, 289.

которые совершившие их государственные деятели не пытались бы оправдать государственными или национальными интересами. Известны и другие подходы. В той же Индии в XX в. М.К. Ганди, впрочем никогда не занимавший правительственных должностей, называл себя политиком, пытающимся быть святым.

Парадоксальная самооценка Махатмы предполагает неизбежность компромиссов и отступлений от требований индивидуальной морали в политике. Большинство государственных и политических деятелей прошлого и настоящего пребывают в промежуточной зоне между не знающей угрызений совести безнравственностью и стремлением руководствоваться справедливостью. Но представляется непреложной истиной, что этические требования, предъявляемые к частным лицам и носителям власти, не могут быть одинаковыми.

* * *

От абстрактных рассуждений обратимся к современной российской государственности.

В Конституции РФ 1993 г. заложены два принципа, не лишенных противоречивости. С одной стороны, полный набор демократических ценностей и институтов, соответствующих, как тогда принято было говорить, мировым стандартам, а с другой — весьма широкие полномочия главы государства. Недаром их характеризовали как «ремейк царской власти», как установление «суперпрезидентской республики», а первого Президента России назвали полушутя-полусерьезно «царем Борисом». Эти принципы разделялись даже композиционно. Гарантиям демократии и свободы личности посвящены первые две главы Конституции РФ. Система органов власти, центральной фигурой которой является Президент РФ, составляет содержание последующих глав. При этом для первых двух глав была установлена более высокая степень правовой защиты в форме особых условий их изменения. В соответствии с законом диалектики два названных принципа пребывают в состоянии единства и борьбы противоположностей и создают возможности как для коллизий, так и для осознанного выбора направления развития.

Было предложено достаточно убедительное объяснение их соотношения. Несмотря на то что согласно тексту Конституции РФ она представляет собой законодательный акт прямого действия, кажется, никто не утверждал, что положения первых двух глав полностью реализованы. Они воспринимались в немалой мере как идеал и программа действий. Содержание остальных глав, в соответствии с такой интерпретацией, представляло собой методы оперативного управления, возможно, несовершенные и временные.

Соединяя оба принципа в рамках единого документа, законодатель вполне мог руководствоваться соображениями целесообразности, здравой оценкой реального потенциала. В самом деле, демократия, понимаемая как конституционный механизм, как правовое государство, а не как чрезвычайная власть революционного народа, жизнеспособна только если она превращается в эффективное средство управления. А это предполагает наличие демократических традиций. В Европе они складывались столетиями в напряженной борьбе, со многими поражениями и отступлениями. В России демократические начала были очень слабы. Вечевая вольница пала под натиском великокняжеской московской власти. Два века абсолютизма и семь десятилетий советского тоталитаризма ростки демократии целенаправленно вытаптывались. В таких условиях демократический строй не мог утвердиться в одночасье. О том же свидетельствовали размышления ряда мыслителей прошлого. П.И. Пестель, представивший в «Русской правде» последовательно демократическую конституцию, не считал, что она может быть введена немедленно после свержения самодержавия. По его мнению (и трудно с ним спорить), в России не было основы для представительного правления, ибо народ, не получивший личной свободы, не готов к свободе гражданской. Отсюда необходимость Временного верховного правления, когда нормы конституции не вступали в силу. Сунь Ятсен (Китай начала XX в. в плане готовности к демократии в чем-то сродни России) предусматривал два переходных периода на путь к подлинному народовластию. На первом этапе устанавливается военная власть. Затем наступает этап политической опеки, когда создается местное самоуправление, призванное приучить народ к демократическим институтам. Идеи основоположников марксизма о диктатуре пролетариата, подготавливающей почву для высшей фазы коммунизма, где свободное развитие каждого становится условием свободного развития всех, широко известны.

Не случайно в «период перестройки» в связи с постановкой вопроса о демократизации советского строя получил распространение тезис (кажется, первым его сформулировал известный политолог А. Мигранян) о том, что переход от тоталитаризма непосредственно к демократии как устойчивой форме правления нереален, что между ними лежит период авторитаризма.

В феврале 1917 г. Россия стала самым свободным государством. Однако планы установления конституционной демократии, которые связывались с всенародно избранным Учредительным собранием, провалились из-за неспособности Временного правительства обеспечить эффективное

управление страной. На смену двоевластию и анархии пришла диктатура пролетариата.

Атмосфера падения советской власти в начале 90-х годов чем-то напоминала февральскую революцию. Но стихийное развитие событий было приостановлено. Институт сильной президентской власти способствовал консолидации государства. Историческая заслуга Конституции РФ состоит в том, что она позволила обеспечить стабильность и тем самым создавала определенные предпосылки развития.

* * *

Вопрос о том, исчерпал ли себя положительный потенциал авторитарных методов управления, спорен. Но никакое его решение не упраздняет коллизии демократических и авторитарных ценностей, приобретающей особую актуальность при определении перспектив развития.

Именно в представлениях о путях развития, о будущем российской государственности наметились еще в первое десятилетие XXI в. и, судя по всему, набирают силу опасные тенденции. Происходит идеологическая переориентация. Усиливается крен к консерватизму. Раздаются призывы покончить с «либеральной эйфорией 90-х годов». Это публицистически яркое и во многом верное, по существу, выражение было введено в обиход известным деятелем Русской Православной Церкви Всеволодом Чаплиным. В самом деле, наивные демократические (и псевдодемократические) иллюзии получили в 90-х годах немалое распространение в постсоветском обществе. Они были сродни надеждам на Учредительное собрание в 1917 г. Казалось, что достаточно принять демократическую конституцию, соответствующую «мировым стандартам», чтобы в стране воцарился подлинно демократический строй.

В некоторых случаях творцы текста Конституции даже пытались превзойти «мировые стандарты». Такова неудачная, на мой взгляд, формулировка первой фразы ст. 2 Конституции РФ («Человек, его права и свободы являются высшей ценностью»), которой явно противоречит ч. 3 ст. 55, перечисляющая основания ограничения прав и свобод человека и гражданина федеральным законом. Положения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ соответствуют ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека и международным пактам прав человека. Между тем, в юридической литературе как правило предпочтение оказывается упомянутой формулировке ст. 2. Из неё делается вывод о «приоритете прав человека» над общественными и государственными интересами. Этот вывод явно противоречит классическим образцам как западного, так и российского либерализма, согласно

которым призвание и гражданина, и государства состоит в служении общему благу. При этом либерализм не только предполагает соблюдение прав человека, но и признает необходимость борьбы за эти права.

Идея «приоритета прав человека», выдвигаемая как противоположность тоталитаризма, свидетельствует о незрелости либерального правосознания. Приоритет прав личности — не либеральная, а либертарианская позиция, хотя многие её сторонники не сознавали этого и руководствовались благими намерениями.

Характерна в этом отношении статья проф. А.П. Семитко «О приоритете прав и свобод человека как правовом принципе либерализма в российской и зарубежной литературе». А.П. Семитко пишет: «Принцип приоритетности прав и свобод человека в соотношении с деятельностью госаппарата является общепризнанным... и настолько общим местом в западной гуманитарной литературе, что отрицать его можно лишь при отсутствии каких-либо даже минимальных представлений об указанной литературе»¹¹. Однако это смелое заявление заставляет усомниться в компетентности автора в области истории политической и правовой мысли. В качестве столпов либерализма А.П. Семитко цитирует Ф. Хайека, Л. Мизеса и Д. Боуза. Но они — не либералы, а либералисты, или либертарианцы. Автор заблуждается, утверждая, что либертарианство — это «современная версия классического либерализма»¹². На самом деле, либертарианцы, по удачному выражению П. Селфа, — это «экстремисты от либерализма»¹³. Либертариизм — возникшее в середине XX в. консервативное, правое политическое течение. Его сторонники считают, что главное средство обеспечения свободы — это экономический либерализм, т.е. сведение государственного регулирования к минимуму, полная неприкосновенность частной собственности и инициативы. Либертарианцы — противники социального государства в любой форме. По Хайеку, социальное государство — это дорога к рабству и тоталитаризму. Таково последовательное выражение идеи приоритета частного права и интереса над общим благом, т.е. интересом общественным. Позиция подлинных классиков либерализма принципиально иная. Дж. Локк считает «первым и основным естественным законом, которому должна подчиняться законодательная власть, сохранение общества» и лишь «в той мере, в какой это будет совпадать с общественным благом» (!), сохранение

¹¹ Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2017. Т. 17. Вып. 1. С. 87.

¹² Там же. С. 88.

¹³ Companion to contemporary political philosophy / ed. by R.E. Goodin and Ph. Pettit. L., 1993. P. 34.

каждого члена общества¹⁴. И этот принцип решения коллизии частных и общественных интересов сосуществует у него с признанием неотчуждаемых прав человека.

Та же логика у классиков либерализма XIX в., причем не только у считавшего себя социалистом Дж. Ст. Милля, но и у вполне буржуазного либерала Р. Иеринга. Он писал, что «основной идеей государства представляется обеспечение общих для всех интересов общества в противовес угрожающему им частному интересу»¹⁵, и не находил в этом никакого противоречия с призывом к гражданам бороться за свои субъективные права, способствуя тем самым совершенствованию правовой системы.

Признание приоритета общего блага над частным интересом доминирует в истории политической мысли от древности до наших дней среди как консерваторов, так и либералов. Споры ведутся о том, в чем состоит общее благо, а также кто и каким способом вправе определять, что ему соответствует или не соответствует. Ссылки А.П. Семитко на классиков либерализма неубедительны. Его лингвистические опыты («приоритет одного перед другим означает сосуществование и сотрудничество»¹⁶) искусственны и наивны. Приоритет всегда означал первенство, первоочередность, предпочтительность чего-то одного в тех случаях, когда приходится делать выбор.

Но одно дело преодоление эксцессов либерализма, в какой-то мере извинительных в период крушения тоталитарного режима («приоритет прав личности» — образец такого рода эксцессов), и другое дело — отрицание основных принципов, провозглашенных в гл. 1 и 2 Конституции РФ, забвение ее программных установок, сводящее этот многоплановый акт исключительно к нормам, регулирующим структуру, компетенцию и основные правила деятельности органов государственной власти. В ходе явной экспансии консервативного сознания такие тенденции возникают и крепнут в сферах политики, публицистики, гуманитарной науки, в т.ч. и юриспруденции.

Вот что пишет, например, А.А. Васильев, известный представитель и пропагандист современной консервативной российской мысли, ведущими теоретиками которой он считает А.М. Величко и В.В. Сорокина: «Идеалы правовой республиканской государственности, свободы личности, превалирование права как социального регулятора являются духовно выхолощенными, в цивилизационном плане разрушительными и подходящими под

духовные и культурные ценности исключительно Европы»¹⁷. В.В. Сорокин среди «мифов современности», которые следует разрушить, называет «демократию как цель»¹⁸. А.М. Величко, в работах которого, по мнению А.А. Васильева, «была в полной мере возрождена концепция государства правды и веры», пишет: «Порядок организации государства имеет своим образом Царствие Божие, в связи с чем единственно возможной формой правления является неограниченная монархия, а формой государства — православная самодержавная монархия»¹⁹.

Атмосфера крепнущего консерватизма влияет и на сознание людей, далеких от этого строя мысли и побуждает их к каким-то встречным, компромиссным шагам. Признанный специалист конституционного права В.Е. Чиркин выступил в 2018 г. с идеей рассматривать президентскую власть в Российской Федерации как особую, четвертую ветвь власти²⁰, т.к. Президент РФ становится центром всей государственной жизни. Попытки расширить классический перечень ветвей власти предпринимались и прежде (называли власть СМИ, банковскую власть, избирательную власть), но классическая триада устояла. Инициатива проф. В.Е. Чиркина невольно вызывает ассоциацию с гегелевской системой разделения властей, в которой над законодательной и исполнительной властью ставилась высшая, королевская власть — воплощение и символ суверенитета.

* * *

Многообразны проявления консервативных тенденций в общественно-политической жизни. Продолжается начавшееся еще в 90-х годах прошлого века возрождение монархических настроений. Прибегая к догматическому анализу узаконений о престолонаследии, сторонники монархии отвергают легитимность Февральской революции и всего, что за ней последовало.

Распространяются суждения, что независимо от провозглашенной законом формы правления вся история российской государственности отмечена одной основополагающей чертой — ее главным институтом является личность правителя, что такое устройство государства предопределено

¹⁷ Васильев А.А. История российской консервативной правовой мысли. Барнаул, 2011. С. 252.

¹⁸ Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007. С. 10.

¹⁹ Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб., 1999. С. 191.

²⁰ См.: Чиркин В.Е. Статьи 10 и 11 Конституции РФ: три или четыре ветви власти в России? // Государство и право. 2018. № 9. С. 127.

¹⁴ См.: Локк Дж. Соч.: в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 339.

¹⁵ Иеринг Р. Указ. соч. Т. I. С. 273.

¹⁶ Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2017. Т. 17. Вып. 1. С. 95.

особенностями национальной политической культуры и что даже в наши дни различные ветви власти важны лишь в той мере, в какой они обеспечивают связь граждан с «верховным правителем».

Любая личная власть сродни монархии и обладает в некотором смысле антисистемным характером. Вернее, она стремится полностью подчинить себе систему, создать свою собственную систему. Система, основанная на разделении властей, строится на принципиально иной основе. Она связывает действия высших должностных лиц, лишает их возможности выходить за рамки системы и изменять её по собственному усмотрению. Здесь исключен монархический принцип «я так хочу». Дефекты единоличного (монархического) правления хорошо известны со времен Локка и Монтескье: неразумно и опасно связывать судьбу всей страны с волей и судьбой одного человека. Как отмечал ранний И.А. Ильин, монархическое правосознание отличается иррационализмом и сакрализацией власти.

Даже умеренные представители современной отечественной консервативной мысли, вовсе не помышляющие о реставрации монархии, склонны скептически относиться к демократическим принципам и институтам, которыми проникнута Конституция РФ, считают их перенятыми у Запада и говорят об утрате интереса к рассуждениям о том, нужна ли России демократия и какой она должна быть. Аргументом в пользу этого пессимистического с точки зрения возможностей демократии в России вывода служит историческая традиция. Действительно, в отечественной истории доминировали самодержавие, тоталитаризм и авторитаризм. Реальный демократический опыт незначителен. Гораздо богаче история демократических движений, которые с начала XIX в. набирали силу и привели к Февралю 1917 г., а затем и к Конституции РФ 1993 г. Предрасположенность, терпимость народов России к авторитарным методам управления доказана историей. Она затрудняет, но не исключает движение к демократии. Фаталистический вывод о предопределенности этих методов призван дискредитировать перспективу демократического развития.

* * *

В стане современных российских консерваторов очевидно стремление отказаться от того понимания соотношения ценностей демократии и эффективности управления, которое сложилось в конце прошлого века и воплотилось в Конституции РФ. Тогда сильная президентская власть рассматривалась и оправдывалась как средство обеспечения демократии. Ныне необходимость возводится в добродетель, а меры, которые раньше рассматривались как временные, вынужденные, вспомогательные,

выступают в качестве идеала. Система, стержнем которой является личность, объявляется самоценной, а применительно к демократии ставится вопрос «должна ли она в принципе быть».

Постановка вопроса о российской модели государственности, учитывающей своеобразие исторического развития и национальные традиции, не только оправдана, но и необходима. Но она причинит большой вред, если сведется к идеализации прошлого и попыткам в него вернуться. В истории каждого государства немало не только хороших, но и плохих традиций. Самодержавие, официальная церковь, выступающая как носитель государственной идеологии, советский тоталитаризм, неразвитость институтов гражданского общества, бюрократия, коррупция — увы, все это тоже наши традиции.

Да и сам по себе российский консерватизм (тоже своего рода традиция) очень неоднозначен. Н.С. Лесков говорил о «так называемом консерватизме, чаще всего у нас сходящемся с полной косностью»²¹. Есть консерватизм К. Леонтьева, К. Победоносцева, Л. Тихомирова. Последний, по словам Н.Н. Алексева, «прямо переложил учение Ивана Грозного своими словами» и объявил его «идеалом, вытекающим из чисто православного понимания жизни»²². И есть консерватизм первого поколения славянофилов, не посягавших на самодержавие, но выступавших за созыв Земского Собора и наделение его «силой мнения» и за проведение целого ряда вполне либеральных реформ, в первую очередь за отмену крепостного права. Есть и «либеральный консерватизм» П.Б. Струве, или «охранительный (консервативный) либерализм» Б.Н. Чичерина с его принципом «либеральные меры и сильная власть». «Не в иностранных интригах надо искать причину нашей болезни»²³, — писал Б.Н. Чичерин. Отсюда его призыв: «мы должны не отречься от всемирной истории как от чего-то нам чуждого..., а напротив, устремить свои взоры на то, что добыто мировым развитием духа, а потому составляет достижение всего человечества»²⁴.

Российская модель государственности, опирающаяся на национальные традиции, не может строиться в отрыве от мировых процессов и отрицать столь модные в 90-е годы общечеловеческие ценности и мировые стандарты. Общечеловеческие ценности — это не «импортированные химеры»,

²¹ Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. М., 1957. Т. 6. С. 667, 668.

²² Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 64.

²³ Чичерин Б.Н. История политических учений. СПб., 2010. Т. 3. С. 739.

²⁴ Чичерин Б.Н. Собственность и государство. СПб., 2005. С. 792.

не «идеологические займы», как думают некоторые современные российские консерваторы, а закономерности мирового развития. Их надежное закрепление в качестве основ конституционного строя Российской Федерации создает правовую гарантию укрепления демократических начал. Избавление от эксцессов «консервативной эйфории» будет этому способствовать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 64.
2. Васильев А. А. История российской консервативной правовой мысли. Барнаул, 2011. С. 252.
3. Величко А. М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб., 1999. С. 191.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 2003. С. 41.
5. Иеринг Р. Избр. труды: в 2 т. СПб., 2006. Т. I. С. 155, 273; т. II. С. 282, 283, 286, 288–290.
6. История политических и правовых учений. Древний мир. М., 1985. С. 130, 153.
7. Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. М., 1957. Т. 6. С. 667, 668.
8. Локк Дж. Соч.: в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 339.
9. Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955. С. 191.
10. Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2017. Т. 17. Вып. 1. С. 87, 88, 95.
11. Новгородцев П. И. Соч. М., 1995. С. 374.
12. Сорокин В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007. С. 10.
13. Чиркин В. Е. Статьи 10 и 11 Конституции РФ: три или четыре ветви власти в России? // Государство и право. 2018. № 9. С. 127.
14. Чичерин Б. Н. История политических учений. СПб., 2010. Т. 3. С. 739.
15. Чичерин Б. Н. Собственность и государство. СПб., 2005. С. 792.
16. Berlin I. Four Essays on Liberty. L., 1969. P. 11.
17. Companion to contemporary political philosophy / ed. by R. E. Goodin and Ph. Pettit. L., 1993. P. 34.

REFERENCES

1. Alekseev N. N. Russian people and the state. M., 1998. P. 64 (in Russ.).
2. Vasiliev A. A. History of the Russian conservative legal thought. Barnaul, 2011. P. 252 (in Russ.).
3. Velichko A. M. State ideals of Russia and the West. Parallel legal cultures. SPb., 1999. P. 191 (in Russ.).
4. Danilevsky N. I. Russia and Europe. M., 2003. P. 41 (in Russ.).
5. Iering R. Selected works: in 2 vols. SPb., 2006. Vol. I. P. 155, 273; vol. II. P. 282, 283, 286, 288–290 (in Russ.).
6. History of political and legal doctrines. Ancient World. M., 1985. P. 130, 153 (in Russ.).
7. Leskov N. S. Collected works: in 11 vols. M., 1957. Vol. 6. P. 667, 668 (in Russ.).
8. Locke J. Essays: in 3 vols. M., 1988. Vol. 3. P. 339 (in Russ.).
9. Montesquieu Sh. Selected works. M., 1955. P. 191 (in Russ.).
10. Scientific Yearbook of the Institute of philosophy and law, Ural branch of the Russian Academy of Sciences. 2017. Vol. 17. Issue 1. P. 87, 88, 95 (in Russ.).
11. Novgorodtsev P. I. Essays. M., 1995. P. 374 (in Russ.).
12. Sorokin V. V. The concept and essence of law in the spiritual culture of Russia. M., 2007. P. 10 (in Russ.).
13. Chirkin V. E. Articles 10 and 11 of the Constitution: three or four branches of government in Russia? // State and Law. 2018. No. 9. P. 127 (in Russ.).
14. Chicherin B. N. History of political teachings. SPb., 2010. Vol. 3. P. 739 (in Russ.).
15. Chicherin B. N. Property and the state. SPb., 2005. P. 792 (in Russ.).
16. Berlin I. Four Essays on Liberty. L., 1969. P. 11.
17. Companion to contemporary political philosophy / ed. by R. E. Goodin and Ph. Pettit. L., 1993. P. 34.

Сведения об авторе

МАРТЫШИН Орест Владимирович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

Authors' information

MARTYSHIN Orest V. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of Kutafin Moscow state Law University (MSAL); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., 125993 Moscow, Russia